

— У тебя отлично получается, Саске, — Кабуто слегка улыбнулся, осматривая мою работу.

Мертвая крыса, над которой я работал, ожила на несколько секунд, прежде чем её сердце снова остановилось от старости.

Это был прогресс, весьма необходимый прогресс.

Прошлая неделя, с тех пор как я научил Наруко использовать Каге Буншин, оказалась менее хаотичной и утомительной, чем я предполагал. В основном потому, что мне больше не приходилось постоянно показывать ей природу чакры ветра, параллельно занимаясь своими делами.

Она наконец смогла частично разрезать лист, используя несколько десятков клонов для ускорения процесса.

Девушка была не глупая, но и не особо умная по академическим меркам. Отсутствие ролевой модели и недостаточное формальное образование сформировали её такой, какая она есть, к тому же природа Асуры не способствовала этому.

Но если чакра Асуры влияла на неё, значит, чакра Индры действовала на меня.

Я не знал, что думать об этом. Мысль о том, что я могу убить Наруко или кого-либо еще под влиянием внешней силы, вызывала у меня тошноту.

Мои мысли ушли на задний план, когда я взглянул на Кабуто, избегая его взгляда.

Внутри я снял очки, зная, что было бы странно для девятилетнего ребенка носить солнцезащитные очки в помещении. Я искренне не любил смотреть людям в глаза, поэтому обычно смотрел на их подбородок или вовсе избегал взгляда.

— Это недостаточно быстро, — пробормотал я, позволяя тусклому зеленому свету чакры угаснуть, опуская пальцы на стол. Мне не нужно было притворяться, что я раздражен. Да, я прогрессировал быстро, но мне нужно было улучшить контроль, чтобы использовать технику силы и перейти к печати Бякуго.

— Не недооценивай себя, — сказал Кабуто, предложив свою очевидно заранее подготовленную поддержку. — Ты всего лишь ребенок, который начал заниматься этим, что, шесть месяцев назад?

На самом деле прошло чуть меньше шести месяцев с момента резни, но я не собирался цепляться к этому.

— Не нужно притворяться, что тебе это нравится; присматривать за ребенком, — пробормотал я, зная, что это, вероятно, скучно для кого-то вроде Кабуто.

Он играл роль довольно приличного подростка в ирьёниндзюцу, но я знал, что он уже очень умел в этом возрасте. Тренировка меня, вероятно, была для него скучной.

Короень и, вероятно, Орочимару на данный момент, были факторами.

— Нет, — покачал головой Кабуто, но я посмотрел на мертвую крысу, прежде чем он закончил говорить. — Это как тренировать младшего брата. — Он обнял меня за плечо, и я застыл от этого прикосновения и его слов.

— Нии-сан, можем потренироваться?

— Не сейчас, Саске. Может, в другой раз.

Я резко отпрянул от Кабуто, мое сердце забилось быстрее.

— Прости, — быстро сказал Кабуто, выглядя почти искренне обеспокоенным. — Я не хотел ничего плохого.

— Это... я... — я сглотнул и часто заморгал, чувствуя комок в горле. — Я не люблю, когда меня трогают.

Физический контакт, особенно когда я его не ожидал, делал меня крайне некомфортно.

И я никогда не хотел, чтобы кто-то снова называл меня младшим братом. Позиция Итачи как моего брата умерла; убита его лояльностью к Конохе, превыше того, чтобы не пытаться меня, как хороший маленький шиноби.

— Понял, — кивнул Кабуто, отворачиваясь.

Иногда мне казалось, что Кабуто действительно беспокоился обо мне.

Мы вернулись к урокам ирьёниндзюцу и практическим применением для улучшения или

замедления кровотока к частям тела, мой прогресс снова был отмечен, когда мы закончили на сегодня.

— Никогда не думай, что ты какой-то надоедливый малыш, — сказал Кабуто, бросив взгляд на часы. — Это радость — помогать тому, кто станет лучше, чем любой медик. Они будут говорить твоё имя с таким же уважением, как и имя Цунаде-сама.

Я заставил себя поддерживать постоянный зрительный контакт, медленно моргая, глядя в его темные глаза.

— Спасибо, — сказал я, разворачиваясь, чтобы уйти. — До следующей субботы?

Кабуто ответил утвердительно, и я вышел из комнаты, сравнение с Цунаде беспокоило меня больше, чем я мог предположить.

Она потеряла всех, кого могла назвать семьей, и стала бесполезной алкоголичкой, которая могла бы спасти так много людей, если бы была здесь во время атаки Кьюби.

Я не позволю своим близким умереть снова, — пообещал я себе в миллионный раз. — Я восстановлю свой клан и...

Мой разум опустел, когда я вышел из больницы и направился к своему дому, желая снова тренироваться.

Я не мог придумать ничего конкретного, что бы я хотел делать в жизни. Шесть месяцев постоянных тренировок, чтобы стать убийцей и полубогом в любом значимом определении, и всё же, я не мог придумать ничего, чем я хотел бы заняться после того, как мне исполнится 16 лет или около того и, предположительно, я остановлю лунную суку, которая является моей духовной бабушкой, от её возрождения. К черту сражение с ней, я остановлю её от воскрешения Зетсу.

Но все же, я не знал, что делать потом.

Девять лет, и я уже переживаю философский кризис из-за отсутствия цели в мире на большую часть моей будущей жизни. Я никогда не увижу свой клан полностью восстановленным при жизни, и мысль о том, что нынешняя Коноха будет пользоваться плодами моей победы и клана, вызывала у меня отвращение.

Я столкнулся с гражданским, который не смотрел, и он начал ругаться.

— Укуси меня! — огрызнулся я, уставившись на мужчину, который застыл от страха.

Я отвернулся и пошел к своему дому, наконец-то добравшись до него и направившись на задний двор к мишени для моего Катон дзюцу.

Я сложил необходимые печати и выпустил сжатый огненный шар, полностью скрывший бревно.

Пламя погасло через несколько секунд, и я увидел, что оно обожгло кору, превратив её в черную.

— Что я вообще делаю? — уныло подумал я, упав на спину, не пытаясь поймать себя.

Я был не тем Саске из "Шиппудена", который сражался с Мадарой вместе с Наруто. Я был тем, кого Орочимару побил до полусмерти, слабым и отчаявшимся трусом, использовавшим разум разлагающий проклятый знак, чтобы сразиться с безумным джинчурики красноволосым, и побитым Итачи, как ничто.

Я вздрогнул при мысли о том, что переживу это снова, мое дыхание стало учащаться.

Что, если он здесь? Что, если это не первый раз, когда он вернулся в Коноху?

Я начал осматриваться, чувствуя, как на меня кто-то смотрит.

Его глаза.

Сделает ли он это снова, когда я не буду этого ожидать?

— Тачи, зачем ты это сделал?!

Я резко сел и сжал кулаки, пальцы болезненно впились в землю.

Тишина. Запах крови. Я почти чувствовал его вкус и дрожал, как осиновый лист, вспоминая всё это.

Я не позволю страху управлять мной. Я встал и заставил чакру течь через мои тенкетсу, пытаясь насытить свои кости и мышцы.

Мой кулак ударил по бревну, которое я использовал для закалки рук, и из точки удара раздался легкий укол боли.

Страх — это убийца разума. Я нанес еще один удар, игнорируя боль в суставах.

<http://tl.rulate.ru/book/110075/4273304>